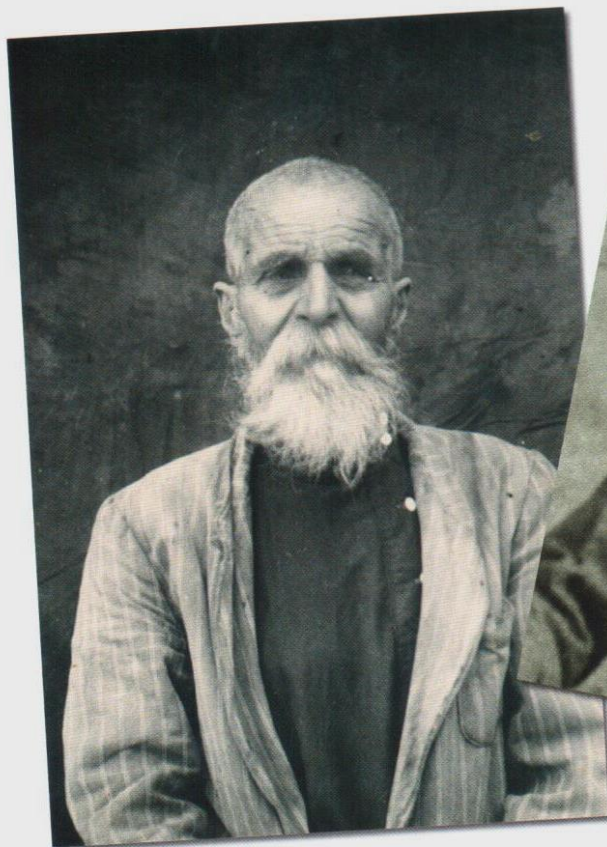

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Мирские и двоеданные казачьей станицы

Иллюстрации предоставлены автором

В начале 1990-х годов, когда наш журнал инициировал павленковское движение — за сохранение сельской книжной культуры, библиотеки начали поиск своих исторических корней. А осознав свою причастность к деяниям издателя и мецената Ф. Павленкова, стали активно продолжать краеведческую работу, превратившись по сути дела в сельские библиотеки-музеи. С тех пор этот павленковский ресурс отличает провинциальные библиотеки, отмеченные именем русского просветителя.

Юлия Демченко

Заведующая Еманжелинской павленковской библиотекой Еткульского муниципального района Челябинской области. Окончила Челябинский пединститут, академию культуры и искусств (ЧГАКИ), заочно учится в аспирантуре. Кандидат педагогических наук. Руководимая ею сельская библиотека — одна из лучших в области. На ее базе учились сельские библиотекари, прошла областная школа на тему «От краеведения к краелюбию», а также презентация подготовленной Ю. Демченко энциклопедии села Еманжелинки.

Неуемный характер был у местных казаков. В годы еще дореволюционные ходила среди селезянских станичников песня-дразнилка про соседей.

*Два стаканчика медненькие,
(все строки повторяются)
В Кораблево люди бедненькие,
В Шеломенцево богаты мужики,
В Калачево половина нищеты,
В Сухоруково попеть, погулять,
Не умеют коров обдирать,
Белоусовцы — плотнички,
А копытовцы — разбойнички,
А Устьянцево —
в логу, в логу, в логу,
По две девки в логу да в логу,
Стоит Еткуль на горе да на горе,
По две девки во дворе да во дворе,
Если с обыском пойти,
То по пяти можно найти.*

Говорят, пели «Два стаканчика» не просто так, а с умыслом. Будто бы перечислялись в них на память места старинной контрабандистской тропы. Ведь основной торговый путь проходил чуть западнее, как раз через Еманжелинку. Но если бы вздумали господу контрабандисты везти товары через нашу станицу, непременно

Вид на «двоеданный» край,
ныне ул. К.Маркса ▼

досочинили бы что-нибудь про драчунов да задир. Такая уж слава идет про селение с незапамятных времен.

Ходила молодежь еманжелинская стенка на стенку, улица на улицу и край на край — и по праздникам, и по будним дням. Старики вроде не слишком и препятствовали: сами парнями не прочь были подраться. А где есть желание, там повод найдется. Вот и было так, рассказывают: то мирские кержаков бьют, то двоеданы отдариваются.

С самого основания, с 1769 года, жили в Еманжелинке казаки православные и казаки-староверы. Вместе служили, вместе воевали, однако обычаи не смешивали, жениться да замуж выходить чаще предпочитали за своих и селились порознь. Та часть станицы, что сейчас называется Старой, считалась мирской. Мирскими у нас прозвали православных, признавших церковные реформы патриарха Никона. В миру, мол, живут, крепости веры не соблюдают. Никониане тоже не скупались на обидные прозвища для земляков-староверов: двоеданы, кержаки, черноподолки. Чем не повод для кулачков?

С Керженца ли, притока Волги, пришли в Еткульский станичный юрт раскольники или, как утверждал местный краевед В.С. Белоносов, они были из Ярославской губернии, но и сейчас Древнеправославная церковь, действующая и в Челябинске, именуется поморской, т.е. без русского Севера дело не обошлось.

Об устоях и быте старообрядцев многое можно узнать из диалогии Мельникова-Печерского. Но казачья судьба не купеческая. В Оренбург-

ском войске служивым людям приходилось прислушиваться не только к священникам, но и к командирам. Устав есть устав: и уходя на воинскую службу, казаки брили бороду, надевали форму. В семейных архивах еманжелинцев сохранились любопытные фотографии: на одной молодой бравый казак с лихо закрученными усами, на другой он же, но уже в годах и с отпущенной почти до пояса окладистой бородой. Это значит, что служба закончилась, и мужик вернулся к дедовским заветам.

Властями, ни церковными, ни светскими, раскольников не поощрялось. Однако от преследования (в России живем!) можно было откупиться. Так, 20 января 1845 года станичное правление 9-го Оренбургского казачьего полка станицы Еманжелинской доносило вышестоящему начальству, что никаких старообрядцев в Еманжелинке нет. Но в поименных списках жителей значатся фамилии исконно кержацких семей: Дороховы, Турковские, Хлызовы. А в списках за 1786 год в станице числится 61 раскольник. На самом деле крепкая староверческая община сохранялась в селе до 50–60-х годов прошлого века, а потомки кержаков-староверов и сейчас называют себя еманжелинцами.

Еще лет сто назад достаточно было одного взгляда, чтобы отличить кержака от мирского. Отличия начинались уже с одежды, особенно у женщин. Здесь долго сохранялись сарафаны-косоклинники, рубахи-рукава, домотканые опояски — все приметы века XVIII-го. Показаться простоволосой у последовательниц

▲ Берег реки Еманжелинки, где в 1769 г. была построена казачья крепость

старой веры считалось большим грехом. На голову надевали особую шапочку, чем-то напоминающую берет с тесемкой по нижнему краю. Из-под нее не должен был выбиваться ни один волос. В Еманжелинке она называлась «шашмура». У мирских казаков шашмуру носили только на закрученных в узел косах и часто без платка. Староверки, выходя на улицу, набрасывали сверху шаль. Ее концы не завязывали, а закалыва-

ли особой заколкой. По заколке можно было даже определить поселок или станицу, где жила хозяйка, потому что в каждой местности заколки имели свои отличия. Когда старые традиции стали уходить, шашмуру сменил тонкий платок, сарафан — кофта с длинными рукавами и юбка.

Разница в «мирских» и староверческих обычаях касалась не только

одежды. Требование не пить спиртного и не курить строго соблюдалось в семьях кержаков. Очень ценилась «книжность», т.е. способность разбираться в духовных книгах, которые были буквально в каждом доме. Церковной грамоте учили по старинке, на дому, в основном, конечно, мальчиков, но и среди девочек умение читать на церковно славянском редкостью не было. Мужчины и женщины старались подчеркнуть свою набожность. У каждого была лестовка — старообрядческие четки. Шились они обычно из кожи и представляли собой ленту с закрепленными на ней палочками или узелками разных размеров по числу молитв. Заканчивалась лестовка двумя треугольниками из ткани. На них также часто вышивали слова из молитвы. Носили лестовку за поясом, чтобы быстро достать в случае необходимости.

Духовный центр местного старообрядчества находился в Миассе. Туда ездили по крупным церковным праздникам и за новыми книгами. Впрочем, в основном праздники отмечали дома. Например, на Пасху старообрядцы отставали всенощную, собираясь дома у одного из на-

Дом коренных жителей Еманжелинки казаков Дударевых в «мирской» части села ▼

ставников. А утром молодежь ждала первого луча солнца и шла к соседям, даже если они были мирские. Юноши и девушки стучали в окна и говорили: «Христос воскрес», — дожидаясь ответных слов: «Воистину воскрес». Этот обычай заменял раскольникам колокольный звон, поскольку колокола в Еманжелинке были только на церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери, т.е. на официальном храме.

Мирские праздновали с большим размахом. Об этом рассказывала Мария Ивановна Воробьева (Винокурова) 1906 года рождения. Рождество, Масленица, Пасха, престольный праздник с детских лет запомнились ей как яркие и шумные торжества. В эти дни все веселились. На Рождество гуляли неделю. Молодежь собиралась в чьей-нибудь избе, там танцевали под гармошку, пели. Ребятишки ходили с колядками. У нас это называлось «славить». Встречали их в домах торжественно. Под порог клали подушку, на нее сырчики (лакомство из сладкого замороженного творога), пирожки, конфеты, если были. Славильщики, пропев поздравления, брали с подушки подарки.

На Масленицу катались с гор, ездили на телегах с песнями. Иногда устраивали штурм снежного город-

ка. Его строили на центральной площади из снега и льда, взятого с реки. Это была не столь забава, сколько проверка выучки казачат. Мальчишек делили на две команды: одна защищала городок, другая нападала. Сабли и пики, конечно, делали из дерева, но коней брали тех, с которыми в будущем рассчитывали служить. Твердые снежки и льдинки были достаточно опасными снарядами, но казачат с детства приучали мужественно переносить боль. Молодые парни собирались на серьезную забаву — кулачные бои. Двоеданный край сталкивался с мирским на середине речки, которая их и разделяла. Гости из ближайших поселков становились зрителями и даже участниками жестоких игр. Может, тот, кому особенно не повезло в драке, и ослабил еманжелинцев забияками и буянами?

А может, в дело вмешалась любовь? Редко, но бывало, когда молодые исповедовали разную веру. Обычно такие браки родные ни с той, ни с другой стороны не благословляли. Федосья Автономовна Мохирева, внучка казачьего атамана из соседней станицы, вспоминала со смехом, как чуть сама не вышла замуж «убегом», так ей понравился один мирской. Да дед с бабкой срочно приняли меры: 16 лет от роду просватали ее за своего

и отправили в Еманжелинку. А ведь происходили эти события уже после революции.

Архивы также косвенно подтверждают сложности со смешанными семьями. В 1800 году священник Богородицкой церкви Еманжелинской крепости Комаров венчал православного крестьянина Козьму Чистякова из деревни Синеглазово и челябинскую жительницу, девицу Елену Толстых, состоящую «в старообрядстве». Старинная запись не слишком привлекает внимание, если не знать, что от Синеглазова и Челябин до Еманжелинки путь длинный. И, видимо, был у жениха с невестой повод уехать так далеко.

Время шло. Советская власть с нетерпимостью к религии вообще заставила и православных, и двоедан скрывать свою веру. С уходом стариков забылось не только разделение станицы на два края, сам факт, что Еманжелинка когда-то была казачьим поселением. Кержаки, старoverы, мирские, казаки, атаманы, станица — эти слова требуют пояснений даже для внуков и правнуков коренных жителей, не говоря о приезжих. И стычки вроде бы остались в прошлом... А беспокойный характер никуда не делся. Плохо ли хорошо, но и сейчас тихим местом Еманжелинку не назовешь. Гены, наверное. **VC**

Здание бывшего казачьего штаба ▼

